

Милль Джон Стюарт

О подчинении женщины

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джон Стюарт М.**
О подчинении женщины / Милль Джон Стюарт – М.: Книга по Требованию,
2024. – 322 с.

ISBN 978-5-519-96532-3

ISBN 978-5-519-96532-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

земли, и другія планеты живыми существами или нѣтъ, — это рѣшительно все равно для каждаго изъ насъ, — но Боже мой! какая тьма антипатій, интригъ, или открытой ненависти поднимется въ душѣ всякаго самодовольнаго глупца, если ему скажутъ, что такая-то идея стремится убавить одно блюдо отъ его обѣда и лишнюю комнату отъ его жилья. Потому-то ~~нѣтъ~~ реформы, направленной противъ злоупотребленій экономическаго характера и противъ власти чело^{вѣ}ка, — самыя трудныя и на долго отлагаемыя реформы. Къ этому разряду идей Милль относитъ и женскій вопросъ. Тамъ, гдѣ его значеніе понято и гдѣ за него дѣйствуетъ коллективная сила протеста, ему противоплагаютъ самыя дѣйствительныя и энергическія мѣры отпора. Въ этомъ противодѣйствіи и заключается вся сущность такъ называемой преждевременности хорошихъ идей.

Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи какого историческаго масштаба можно измѣрять своевременность той или другой идеи? Почему, напримѣръ, идея личной свободы, осуществленная уничтоженіемъ крѣпостнаго права, была бы преждевременной въ концѣ прошлаго столѣтія, когда надъ ней думалъ Радищевъ, и своевременной въ половинѣ настоящаго? Когда во все не было крѣпостнаго права, никто и не думалъ считать личную независимость преждевременнымъ фактомъ. Какъ будто можно оправдать какойнибудь исторической логикой ту печальную истину, что два съ половиною вѣка чело^{вѣ}ческихъ

страданій нужны были для того, чтобы впоследствии убѣдиться въ такомъ гнусномъ явленіи, какъ рабство. И если бы былъ предоставленъ выборъ между нимъ и свободой одному голосу здраваго смысла и совѣсти, то, нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право никогда не затянуло бы своей мертвой петли такъ надолго на шеѣ нѣсколькихъ милліоновъ людей. Но не здравый смыслъ рѣшалъ его установленіе, а личная выгода тѣхъ, кому оно было нужно — и на чьей сторонѣ была матеріальная сила. Поэтому мы убѣждены, какъ въ математической аксіомѣ, въ томъ неопровержимомъ фактѣ, что всякое дурное учрежденіе поддерживается не въ силу того, что еще не наступила пора для его уничтоженія или его дурныя послѣдствія недоступны пониманію общества, а потому, что съ нимъ связываются личные расчеты его сильнѣйшихъ сторонниковъ. Пусть намъ въ исторіи человѣческихъ страданій укажутъ хоть на одинъ такой фактъ, когда общественное зло не вызывало со стороны людей протеста — явнаго или тайнаго, и тогда мы согласимся, что есть бѣдствія логически необходимыя въ развитіи человѣчества, что каждый шагъ его къ счастію долженъ покупаться цѣлымъ рядомъ величайшихъ несчастій. Но это было бы такимъ вопіющимъ противорѣчіемъ всѣмъ законамъ природы, такой страшной насмѣшкой надъ человѣческой жизнію, что намъ, со всѣми нашими преимуществами разумнаго существа, слѣдовало бы тысячу разъ позавидовать положенію лягушки или червяка.

Къ счастью, теорію этого грубаго фатализма и нелѣпой исторической постепенности придумала не природа, а своекорыстная фантазія людей, которые искусственныя, ложно-построенныя формы жизни стараются выдать за натуральныя и строго-логическія. Все доброе и разумное всегда своевременно и всегда можетъ быть осуществлено нами, еслибъ только мы умѣли и могли отстранять тѣ противодѣйствующія силы, которымъ выгодно удерживать иной порядокъ вещей. Слѣдовательно вопросъ не въ томъ: своевременно ли говорить у насъ о женской эманципаціи, какъ понимаютъ ее народы высшей умственной культуры, а въ томъ, насколько русское общество способно сгладить и устранить тѣ препятствія, которыя стоятъ на пути осуществленія этой великой практической цѣли современнаго поколѣнія.

Такимъ образомъ задача, въ послѣднемъ ея результатѣ, сводится къ тому, выгодно ли намъ поставить женщину въ независимое положеніе, т. е. изъ простой кормилицы сдѣлать настоящую мать, изъ домашней служанки—свободнаго члена семьи, изъ гаремной одалиски—дѣйствительно любящую жену, изъ жертваго матеріала общества—живую и дѣятельную силу? Вотъ вопросъ, которому мы намѣрены удѣлить здѣсь нѣсколько строкъ. Такимъ образомъ мы ограничимся здѣсь чисто-практической его стороною, потому что дальше тѣтъ теоретическихъ соображеній, которыя высказалъ Милль въ своей книгѣ, вѣроятно, еще долго никто не скажетъ ничего новаго.

Россіи поворотъ назадъ, къ ея старой азіатской неподвижности, больше невозможенъ. Идеаль ея будущаго благосостоянія—въ европейской цивилизаціи, а не въ восточной дряхлости, которую наши псевдо-патріоты готовы выдавать за самобытность и величавое спокойствіе. Это мнѣніе враговъ, а не друзей Россіи. До сихъ поръ мы дорого расплачивались за свою отсталость, и еще дороже будетъ оплачивать ее въ будущемъ, если не употребимъ всѣхъ усилій и средствъ встать на одинаковый уровень съ образованными націями. Къ этому стремились всѣ лучшіе выразители русскаго интеллекта, всѣ честные и умные люди въ литературной и административной дѣятельности. Но если это именно тотъ путь, который неизбѣжно лежитъ передъ нами, то чѣмъ скорѣе и легче мы пройдемъ его, тѣмъ лучше для насъ. А чтобы пройти его скоро и легко, для этого общество должно выработать въ себѣ какъ можно болѣе дѣятельныхъ силъ, полезныхъ дѣлу прогресса, живыхъ, энергическихъ и свободныхъ. Мы думаемъ, что независимая русская женщина, допущенная, на одинаковыхъ правахъ съ мужчиною, ко всѣмъ отраслямъ общественнаго труда, оказала бы намъ въ этомъ отношеніи великую услугу. Она удвоила бы сумму нашей дѣятельности, такъ какъ цѣлая половина населенія была бы выведена изъ своего пассивнаго бездѣйствія. А удвоить наши настоящія силы—значить на половину сократить тотъ путь предстоящаго намъ развитія, которымъ мы еле тащимся теперь. На

основаніи математической вѣроятности, при удвоенныхъ силахъ и энергіи, двѣсти лѣтъ народной дѣятельности, при тѣхъ же социальныхъ условіяхъ, сократились бы во сто лѣтъ, а это громадная экономія времени и труда для отсталого общества. Кромѣ того, мы убѣждены, что не только количество дѣятельныхъ силъ увеличилось бы, но улучшилось бы и самое качество дѣятельности. Каждый изъ насъ по собственному опыту знаетъ, какое сильное вліяніе можетъ оказывать мать на своихъ дѣтей. При настоящемъ воспитаніи русской женщины, приготовляемой исключительно для удовольствія ея будущаго обладателя, это вліяніе если не ничтожно, то положительно вредно. Чего можно ожидать въ дѣлѣ воспитанія отъ безхарактернаго и подневольнаго существа, неимѣющаго ни своей воли, ни общественнаго положенія, ни цѣли въ жизни,—существа, вполне поглощеннаго во всемъ преобладающею личностію мужа? Такая мать можетъ воспитать такого же безхарактернаго и пустого человѣка, какъ и она сама. Кругомъ насъ раздаются постоянныя жалобы на недостатокъ людей активнаго характера, энергическихъ и твердыхъ въ житейской борьбѣ; но откуда же они возьмутся, если первые уроки домашняго воспитанія представляютъ юношѣ постоянные примѣры жалкаго безсилія съ одной стороны и грубаго, ничѣмъ необузданнаго произвола — съ другой? Надо удивляться не тому, что наше юношество плохо, а тому, что оно еще не такъ плохо, какъ слѣдовало бы ожидать отъ его

домашней и школьной дрессировки. Въ семействѣ съ молокомъ матери ребенокъ всасываетъ рабскія чувства страха и безгласной покорности, въ школѣ набиваютъ его голову протухлой латынью,—и послѣ этого хотятъ видѣть въ немъ умнаго и энергическаго члена общества. Гдѣ же тутъ хоть капля логики? Поэтому роль матери въ воспитаніи своихъ дѣтей до сихъ поръ чисто-отрицательная; силою своей материнской любви она можетъ, при лучшихъ условіяхъ семейнаго быта, парализовать вредныя вліянія окружающей обстановки, но возбуждающаго стимула и положительныхъ правилъ для развитія она не можетъ дать никакихъ. Да и гдѣ взять ихъ безличному и безправному существу, у котораго отнять всякій доступъ къ общественной дѣятельности и къ самостоятельному труду, который только одинъ можетъ дать и характеръ, и увѣренность въ своихъ силахъ. Такимъ образомъ мы убѣждены, что всѣ попытки педагогики организовать лучшую систему воспитанія останутся совершенно напрасными до тѣхъ поръ, пока соціальное положеніе женщины не освободится отъ тѣхъ искусственныхъ оковъ, въ которыхъ замираютъ всѣ лучшіе инстинкты женской природы.

Точно такое же вліяніе оказываетъ женщина на всю общественную жизнь. Мы не думаемъ, чтобы она была по самой природѣ консервативна — это значило бы клезетать вообще на человѣческую природу, но настоящее ея положеніе невольно дѣлаетъ ее сторонницею застоя и неподвижности. Заключен-

ная въ сферу узкой семейной жизни, съ ея мелкими, анти-соціальными заботами, съ ея дрязгами, неизбѣжными при всякомъ стѣсненномъ положеніи, она не видитъ передъ собою другихъ интересовъ, кромѣ домашнихъ, другихъ стремленій, кромѣ личнаго благосостоянія. Вся жизнь ея, всѣ ея надежды и вѣрованія вращаются около одного домашняго очага. Внѣ его существованіе ея не имѣетъ смысла; обществу она не нужна, общественная дѣятельность для нея закрыта. Какія же соціальныя чувства и стремленія могутъ быть свойственны этой невольницѣ, обширнаго, житейскаго гарема? Что за дѣло ей до того, что происходитъ внѣ отведенныхъ ей границъ болѣе или менѣе удобной тюрьмы? Какимъ образомъ она можетъ понимать и сочувствовать высшимъ общественнымъ интересамъ, когда никто не говоритъ ей о нихъ, и если она сама рѣшается познакомиться съ ними, то ее осаживаютъ извѣстнымъ нравоученіемъ: «не суйся не въ свою тарелку—твое дѣло бабье!» Понятно, что при такомъ отчужденіи отъ общественныхъ интересовъ и стремленій женщина не можетъ быть сторонницей прогрессивныхъ идей, и обвинять ее въ этомъ—это значило бы обвинять мертвое тѣло въ томъ, почему оно тянется внизъ, а не летитъ вверхъ. Прогрессъ требуетъ непрерывной смѣны идей и формъ общественнаго быта, отъ одного улучшенія онъ переходитъ къ другому, постоянно реформируетъ и обновляетъ, отбѣгая засохшія вѣтви соціального дерева и прививая свѣжія. Это въ высшей степени творческая сила, ежеминутно

разрушающая и созидаящая. Но все, чѣмъ дышетъ и живетъ современная женщина, прямо противоположно этому порядку вещей. Она боится переменъ, она только и думаетъ о сохраненіи своей семейной скорлупы, въ которой заключается все ея существованіе; ея роль строго-консервативная и влекущая назадъ, а не впередъ. Поэтому и вліяніе ея отражается на близкихъ къ ней людяхъ въ этомъ направленіи. Она сдерживаетъ, слишкомъ смѣлые порывы мужа, какъ общественнаго дѣятеля, она боится потерять въ немъ свою единственную опору, она передаетъ дѣтямъ это беспокойное чувство страха за личное благополучіе и съ раннихъ лѣтъ убиваетъ въ нихъ благородныя стремленія къ высшимъ человѣческимъ цѣлямъ. Для насъ, и безъ того неспособныхъ выдерживать послѣдовательно прогрессивное движеніе, страдающихъ постоянною боязнію всякаго покушенія на измѣненіе отжившихъ учрежденій, — для насъ задерживающая сила женщины вдвойнѣ вредна. Она увеличиваетъ нашу косность, и трудно представить, на какое громадное разстояніе отодвигаетъ общество назадъ въ нашемъ умственномъ и социальномъ развитіи.

Вотъ почему знакомство съ послѣдними выводами европейской мысли по женскому вопросу для насъ, можетъ быть, гораздо необходимѣе, чѣмъ для другого народа. Для насъ этотъ вопросъ имѣетъ высокое практическое значеніе и еслибъ мы смѣли надѣяться, что Россія первая разрѣшитъ его удовлетворительно, то это было бы величайшей побѣдой ея прогресса.

Она сократила бы себѣ, по крайней мѣрѣ, на двѣсти лѣтъ тотъ тяжелый и медленный путь общественнаго развитія, которымъ она шла доселѣ; она доказала бы, что и для нея наступила пора принять участіе въ историческомъ движеніи человѣчества и внести въ него свою долю счастья. А это призваніе только и даетъ право называться дѣйствительно-образованнымъ и не бесполезнымъ народомъ въ общей міровой жизни.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ко второму изданію.

Недавно въ Персіи явилась одна отважная женщина, поднявшая голосъ противъ рабскаго положенія восточной одалиски. Протестующій голосъ былъ услышанъ, и слово *эманципация женщины* быстро распространилось въ царствѣ темнаго гнета и гаремной безгласности. Правительство обезпокоилось успѣхомъ этой новой ереси тамъ, гдѣ между женщиной и чубукомъ падишаха нѣтъ никакой разницы, гдѣ здоровый верблюдъ и хорошенькая невольница продаются на одномъ рынкѣ и нерѣдко за одинаковую цѣну; оно обвинило пропагандистку въ государственномъ заговорѣ и погубило ее позорнымъ образомъ *).

Въ то же время въ Америкѣ происходитъ совершенно другое явленіе. Тамъ не только теоретически, но и практически разрѣшенъ вопросъ о безусловномъ равенствѣ половъ; тамъ женщина совершенно свободно располагаетъ всѣми сред-

*) Le droit des femmes. 1870. 10 Juillet.